

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Bd. Jan. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received

28

СНОШЕНИЯ
РОССИИ съ ФРАНЦІЕЙ.

(XVI—XVIII вв.).

Историческій очеркъ.

В. С. И—ва.

Тни. Вмоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Москвѣ,
Кіевское отдѣлен., Вибик. бульв. д. № 8 н.

1893.

СНОШЕНІЯ
РОССІИ съ ФРАНЦІЕЙ.

(XVI—XVIII вв.).

Историческій очеркъ.

В. С. И—ва.

Тни. Высоч. утв. Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Москвѣ,
Кіевское отдѣлен., Библик. бульв. д. № 8 в.

1893.

+

Дозволено Цензурою. Г. Кіевъ, 12 Октября 1893 г.

Изъ „Кіевлянина“ №№ 278, 279 и 281.

СНОШЕНИЯ РОССИИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

Историческій очеркъ.

I.

По поводу посѣщенія русской эскадрой Франціи въ текущей печати появились отрывочныя сообщенія о нѣкоторыхъ фактахъ изъ прошлыхъ сношеній Россіи съ этой страной и, между прочимъ, о пребываніи Петра В. въ Парижѣ. Въ виду возбужденнаго интереса къ настоящему вопросу, считаемъ полезнымъ дать о немъ хотя краткую, но болѣе обстоятельную историческую справку.

Не касаясь здѣсь указаній на весьма раннія связи обѣихъ странъ (какъ напр., бракъ дочери Ярослава I Анны съ корол. Франц. Генрихомъ I), имѣющія случайный характеръ, замѣтимъ, прежде всего, что первыя опредѣленныя данныя объ этихъ сношеніяхъ

относятся къ времени вел. кн. московскаго Василя Иваповича *). Въ царствованіе Ивана Грознаго признавалась уже необходимость непосредственныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній (1554) обѣихъ странъ, а къ концу его относится и начало этихъ послѣднихъ. Прибавимъ къ этому, что почти одновременно возникаетъ подобное же стремленіе и со стороны Франціи. Еще въ 1575 г. франц. посланникъ въ Копенгагенѣ Шарль Данзей указывалъ своему правительству на важность торговли съ Россіей, а нѣсколько лѣтъ спустя (1583) онъ вновь настаиваетъ на необходимости завести съ нею постоянную торговлю, стараться добиться тѣхъ-же привилегій, какими пользуются англичане, учредить торговую компанію, съ цѣлью парализовать исключительное господство этихъ послѣднихъ, въ образованіи которой должны были принять участіе знатныя особы, по примѣру Англіи, и купцы, которыхъ, встать замѣтимъ, авторъ проекта винилъ въ равнодушіи къ собственнымъ интересамъ. Онъ обращаетъ вниманіе и на важность

*) Помимо этихъ сношеній есть указаніе, что изъ Даніи ко двору Франциска I посылались борзья собаки русской породы и соколы.

восточной торговли въ Россіи, которую, между прочимъ, пользуются англичане. Обезпечивъ себя льготами, подобно англичанамъ и нидерландцамъ, французскіе купцы могутъ быть покойны на счетъ своихъ дѣлъ, «ибо съ москвитами плохо шутить», прибавляетъ онъ. Въ то время предполагалось уже отправить нѣсколько судовъ по торговымъ дѣламъ въ Московію. Между тѣмъ, царю привезено было дружественное письмо отъ кор. Генриха III, по просьбѣ котораго французамъ разрѣшалось торговать у Кольской пристани, несмотря на противодѣйствіе англичанъ, доказывавшихъ, что имъ однимъ предоставлено было право входить во все стѣверныя гавани *).

Вступивъ на престолъ, царь Федоръ Ивановичъ считалъ уже нужнымъ извѣстить о томъ французскаго короля. Послѣдній-же прислалъ съ Франсуа де-Карлемъ письмо къ царю, въ которомъ завѣрялъ въ своей дружбѣ и просилъ его способствовать

*) Въ описи царскаго архива времени Ивана Грознаго отмѣчено: „Ящикъ 199. А въ немъ книги Цесаревыхъ пословъ и Францовскаго“. Въ этомъ архивѣ находились грамоты и бумаги и за болѣе раннее время.

безпрепятственной торговлѣ между обѣими странами. Царь извѣщалъ (1585), что онъ позволяетъ французскимъ купцамъ приходить въ Россію и торговать всевозможными товарами, а именно ходить моремъ въ Холмогоры, а сухимъ путемъ по всему царству. По образованіи въ Парижѣ торговой компаніи, трое изъ купцовъ (Соважъ, Колась, Нинель) прибыли въ 1586 г. въ Архангельскъ съ товарами; они были радушно приняты воеводой, а отъ ц. Ѳедора (конечно при участіи правителя Бориса Годунова) компаніи дана была торговая привилегія (1587), по которой ей разрѣшалось торговать въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ съ половиною противъ другихъ иностранцевъ пошлиною, «потому что это были первые французы, дерзнувшіе прибыть въ Архангельскъ для торговли съ нашею странюю. Правда, въ то же время англичане успѣли добиться права беспошлинной торговли. Одинъ изъ участниковъ этого плаванія, Жанъ Соважъ, составилъ записку о своемъ путешествіи и торговлѣ въ Россіи. Но въ Москвѣ могли цѣнить уже не однѣ торговыя выгоды.

Когда Борису Годунову, слѣдовавшему политикѣ Грознаго, не удалось завести, вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, школъ съ иностранными языками, то онъ распорядился выбрать 18 молодыхъ людей и отправить ихъ учиться за границу: въ Англію, Австрію, Любекъ и Францію. Мы могли бы не повѣрить свидѣтельству объ этомъ иностранца, если бы о нѣкоторыхъ изъ нихъ не сохранились извѣстія въ нашихъ архивахъ съ указаніемъ даже именъ лицъ, посланныхъ за границу, хотя судьба ихъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, наступившихъ затѣмъ въ Россіи, и не оправдала возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Генрихъ IV дважды обращался къ царю Ѳеодору: въ одномъ письмѣ онъ проситъ отпустить домой доктора Павла, уроженца Милана, къ родственникамъ, служившимъ при французскомъ дворѣ, обѣщая взаимно его прислать другого врача, ученостью и вѣрностью котораго царь останется доволенъ, прибавляя: «какъ и вообще мы будемъ рады всякому случаю сдѣлать вамъ пріятное». Во второмъ письмѣ король проситъ даровать право торговли жупцу Мушерону, отправлявшемуся въ Мо-

скву по порученію многихъ французскихъ купцовъ. Первое изъ этихъ писемъ сохранилось въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ свое время было напечатано Карамзинымъ. Но докторъ Павелъ, какъ видно, отпущенъ не былъ, продолжая пользоваться вниманіемъ Бориса Годунова. Между тѣмъ, французскіе купцы успѣли уже устроиться въ Москвѣ и изъ нѣкоторыхъ произведеній страны извлекали значительную выгоду. Въ Архангельскѣ они закупали сырья произведенія, а Флетчеръ замѣчаетъ: «Купцы французскіе и нидерландскіе, а отчасти и англійскіе, отправляютъ много икры въ Италію и Испанію». Дмитрій Самозванецъ считалъ Генриха IV идеаломъ правителя и намѣревался подражать ему. Купцу Бертрану де-Казанъ онъ поручилъ закупить во Франціи драгоценныхъ вещей на 3.000 руб., объ уплатѣ которыхъ ходатайствовалъ въ 1607 г. Генрихъ IV передъ царемъ Василиемъ Шуйскимъ. О пребываніи этого купца въ Москвѣ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи Маржеретъ. Самъ Маржеретъ, долго служившій въ Венгріи и Польшѣ, въ званіи капитана, перешелъ на службу къ Борису Годунову,

а потомъ служилъ Дмитрію Самозванцу и начальствовалъ надъ ротой тѣлохранителей. Въ иностранной-жедружинѣ, находившейся на службѣ въ Россіи, въ количествѣ 2.500 чел., называются и французы. Маржереть выучился русскому языку и, по возвращеніи въ отечество, передавалъ рассказы о Россіи историку Дету и королю Генриху IV и, по желанію послѣдняго, составилъ записки о состояніи русской державы (Paris, 1607), посвятивъ свой трудъ королю. Въ то время, какъ въ политическихъ проектахъ, составлявшихся во Франціи, Россію не принимали даже въ расчетъ и пренебрегали ея силами, Маржереть въ своемъ посвященіи старается разсѣять заблужденія многихъ людей, которые предѣломъ христіанскаго міра считали Венгрію. «Я могу увѣрить, говорить онъ, что Россія, описанная мною, по приказанію вашего велич., въ этомъ сочиненіи, служить христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многлюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія скиѳовъ (т. е. варваровъ) и другихъ народовъ магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ. Ваше величество узнаете равнымъ образомъ многія подробности

о Россіи, достойныя вниманія и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности этой державы, такъ и по искусству русскихъ скрывать и умалчивать дѣла своего отечества».

Генрихъ IV, какъ видно, продолжалъ интересоваться событіями въ Москвѣ. Такъ, въ смутное время здѣсь проживалъ французскій агентъ, сообщавшій своему двору весьма подробныя донесенія о важнѣйшихъ дѣлахъ, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ.

Смутное время нарушило мирное теченіе политической жизни Московскаго государства, которое не могло не отразиться и на отношеніяхъ къ иностранцамъ. Въ Москвѣ помнили поступокъ иноземнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ Делагарди, приглашеннаго на помощь Скопинымъ - Шуйскимъ; только весьма немногіе изъ нихъ остались вѣрными своему долгу: такъ, уже въ 1613 г. одинъ изъ нихъ, де-Лавиль, оставившій записку о событіяхъ того времени, отправился съ братомъ собирать людей на службу московскаго государя. Помнили и вторичное пребываніе въ Россіи Маржерета, на службѣ у поляковъ. Послѣ смутнаго

времени вызовъ иностранцевъ подвергается значительнымъ ограниченіямъ, при чемъ особенныя предосторожности наблюдаются относительно католиковъ. Въ новыхъ инструкціяхъ о наймѣ иностранцевъ встрѣчаемъ уже выраженія: «всякихъ хорошихъ воиновъ, *кромя французовъ* и другихъ папистовъ».

На первыхъ порахъ, по вступленіи на престолъ, Михаилъ Ѳедоровичъ нуждался въ поддержкѣ противъ Швеціи и Польши и думалъ найти ее въ лицѣ французскаго короля Людовика XIII, но сношенія по этому поводу не привели ни къ чему (1615). И только въ 1628 г. снова дѣлаются предложенія о сближеніи, но уже съ другой стороны, притомъ на почвѣ торговыхъ отношеній, такъ какъ интересы французскихъ купцовъ значительно пострадали за это время. Въ запискѣ, представленной послѣднимъ кардиналу Ришелье, указывалось снова на необходимость образовать обширную съверную компанію для торговли съ Швеціей, Даніей и Россіей и заявлялось, что она должна взять въ свои руки торговлю съ этой послѣдней, чтобъ успѣшно конкурировать съ англичанами и голландцами; но

при этомъ любопытно, что въ той-же запискѣ сообщается о значительности самой торговли въ прежнее время. «Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ вся (?) торговля съ Московіей находилась въ рукахъ французовъ», читаемъ тамъ: «но частыя войны и революціи, отъ которыхъ начала страдать та страна, заставили французовъ совѣмъ бросить эту отрасль торговли». Составители проекта указывали на возвышеніе авторитета Франціи на сѣверѣ, въ случаѣ успѣха предлагаемаго предпріятія, на важность союза съ Россіей въ борьбѣ съ австрійскимъ домомъ и даже на возможность введенія католицизма въ Россію.*) Дѣйствительно, уже въ 1629 г. въ Москву прибылъ посолъ Луи Дегэ де-Курменень.

Прибытіе этого посла сопровождалось нѣкоторыми любопытными чертами приѣма. По царскому указу, новгородскій воевода выслалъ ему на встрѣчу пристава. Приставъ хотѣлъ ѣхать по правую сторону посла, но тотъ съ лѣвой стороны не поѣхалъ. При-

*) Компания предполагала доставлять въ Россію шелковыя и шерстяныя ткани, соль, водку и бумагу, а вывозить оттуда мѣха, кожу, воскъ, ленъ, паруса и канаты для судовъ.

ставъ говорилъ ему, что у государя бывають послы турецкіе, персидскіе, нѣмецкіе и другіе и по лѣвую сторону ѣздятъ. Французъ отвѣчалъ, что Турція, Персія, Крымъ — земли не христіанскія, а его король христіанскій, и потому ему по лѣвую сторону ѣхать нельзя. Начался споръ, въ которомъ посоль заявиль, что ему учиненъ позоръ и онъ за свой позоръ готовъ принять смерть. Тогда ему объявили, что безъ царскаго указа его не отпустятъ. Французъ стоялъ на своемъ и не двинулся до вечера. Наконецъ онъ придумалъ такое средство: пусть ѣдутъ два пристава, одинъ по лѣвую, другой по правую сторону, а онъ, посоль, въ серединѣ. Тогда приставъ, посоветовавшись съ архіепископомъ псковскимъ, согласился: самъ ѣхалъ по правую сторону посла, а по лѣвую ѣхалъ одинъ сынъ боярскій въ видѣ пристава. Въ Москвѣ приставъ заявлялъ, что французы по дорогѣ дѣлали государевымъ людямъ наслія и обиды, посоль ихъ не унималъ, а пристава они не слушались. По пріѣздѣ въ Москву посоль просиль, чтобы государь велѣлъ давать ему вина французскаго и рейнскаго, такъ какъ къ питью, которое имъ

даютъ, они не привыкли, и еще просилъ объ уксусъ. Вина и уксусу дали. Посоль добивался, чтобы на приѣмъ быть ему въ саблѣ и чтобы, по прочтеніи царскаго титула, рѣчь говорить ему въ шляпѣ. На это уже не согласились. Въ рѣчи своей посоль говорилъ, что царское величество есть глава и начальникъ надъ восточною страпою и надъ греческою вѣрою, а Людовикъ король—въ полуденной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и союзѣ, то у царскихъ недруговъ много силы убудеть. Союзъ оказался, однако, немьслимымъ.

Кромѣ желанія добиться взаимной безпошлинной торговли, посоль просилъ дозволить французамъ ѣздить для торговли въ Персію, при чемъ онъ указывалъ на то вліяніе, какимъ пользовалась Франція въ Константинополѣ, а потому могла бы оказывать помощь русскимъ и грекамъ, находящимся тамъ. О важности для Москвы этихъ отношеній во Франціи знали по донесеніямъ своего посла въ Константинополѣ. Французскія предложенія обсуждались въ боярской думѣ, которая находила возможнымъ допустить торговлю за извѣстныя пошлины,

но не соглашалась на пропускъ купцовъ въ Персію. Такимъ образомъ дѣло о болѣе широкихъ торговыхъ связяхъ съ Франціей не состоялось; однако, уже въ 1630 г. въ Москву прибылъ капитанъ Бертр. Боннефуа съ просьбою разрѣшить ему закупить значительное количество пшеницы, вслѣдствіе неурожая во Франціи, а такъ какъ хлѣбъ былъ уже запроданъ тогда въ Англію, Голландію, Данію и Швецію, то ему обѣщано было разрѣшить покупку въ слѣдующемъ году. Покупка эта, какъ надо полагать, состоялась въ количествѣ 75.000 четв., такъ какъ король, выражая благодарность за данное дозволеніе, просилъ распространить его и на слѣдующія шесть лѣтъ, по цѣнѣ, какую уплачиваютъ другія державы.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ эпоху серьезныхъ внѣшнихъ затрудненій, сношенія съ Франціей становятся болѣе частыми и настойчивыми, въ особенности во время управленія посольскимъ приказомъ бояр. Ордина-Нащокина, этого знаменитаго «нѣмецкаго дѣла» и «нѣмецкихъ нравовъ», т. е. иностранныхъ, какъ его называли въ Москвѣ. Отъ этого времени идутъ

и болѣе обстоятельныя, подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ обѣихъ державъ. Сношенія эти происходили въ 1654, 1667—68, 1670, 1673 гг., по поводу отношеній къ Польшѣ, Швеціи и Турціи, въ которыхъ близко была заинтересована Франція. *) Такимъ образомъ, неоднократно она предлагаетъ или ее приглашаютъ быть посредникомъ въ переговорахъ между Москвою и этими державами. Тѣмъ не менѣе, торговыя сношенія никакъ не могли установиться. Комиссарами выработанъ былъ даже проектъ торговли на началахъ взаимности, и въ 1669 г., по иниціативѣ Кольбера, была учреждена сѣверная компанія, но ближайшаго результата этого широкаго предпріятія не видно. Когда же въ 1672 г. возникъ обширный планъ составить европейскую коалицію противъ Турціи, и предложеніе объ этомъ было сдѣлано и Франціи (посольство Андрея Виніуса), то Людовикъ XIV отвѣчалъ полнымъ отказомъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на Турцію, какъ на вѣрную союзницу въ

*) При приѣмѣ въ 1654 г. русскаго гонца, въ Парижѣ не оказалось ни одного человѣка, знающаго русскій языкъ, переводчикомъ-же служилъ фламандецъ, родившійся въ Москвѣ

своей борьбѣ съ австрійскимъ домомъ. Съ другой стороны, онъ заботился также объ утверженіи своего вліянія въ Польшѣ и Швеціи, а потому интересы его въ этихъ сношеніяхъ не всегда сходились съ видами московскаго правительства. Понятно поэтому, что и приглашеніе московскаго правительства въ 1679, 1681 и 1687 гг. приступить къ союзу противъ турокъ потерпѣло ту-же неудачу. Кромѣ того, есть указаніе, что Больберъ вообще мало вѣрилъ въ пользу сношеній Россіи съ Франціей. Но были и другія причины, мѣшавшія установленію постоянныхъ связей. «Нравы и обычаи французовъ, говоритъ одинъ изъ французскихъ посланниковъ, такъ разнятся съ нравами этой страны (т. е. Россіи), что нѣтъ вѣроятности, чтобы эти двѣ націи, столь различныя, остались надолго въ согласіи, а потому торговый договоръ уничтожится самъ по себѣ.»

Сношенія Россіи съ Франціей при Людовикѣ XIV становились все болѣе натянутыми. Послѣдній интересовался пропускомъ черезъ Россію іезуитовъ и другихъ миссіонеровъ, отправлявшихся нерѣдко въ Китай, и хлопоталъ объ этомъ черезъ русскихъ

пословъ, но когда двое іезуитовъ (Авриль и Боволье) прибыли въ 1688 г. въ Москву, то вн. В. В. Голицынъ, управлявшій иностранными дѣлами при Софіи, хотя и принялъ ихъ ласково, но отпустилъ ни съ чѣмъ, по причинѣ дурного пріема, оказаннаго во Франціи русскому посольству (въ 1687 г.), а вслѣдъ затѣмъ (1689 г.), при посредствѣ бранденбургскаго двора, дана была царская грамота о дозволеніи пріѣзжать и селиться въ Россіи французскимъ эмигрантамъ протестантскаго исповѣданія, принужденнымъ оставить свое отечество вслѣдствіе уничтоженія *нантскаго эдикта*.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ попытки въ XVII стол. завести постоянныя торговыя связи между обоими государствами—онѣ разбивались о трудности тогдашнихъ сообщеній, непредпримчивость французовъ и политическія обстоятельства, оставшіяся надолго неизмѣнными. «Отдаленность обоихъ государствъ и нерасположеніе французовъ къ торговлѣ съ Россіей были причиною, что съ царями не было заключено другихъ договоровъ» послѣ 1630 г., читаемъ въ одной официальной запискѣ французскаго министерства по поводу сношеній,

бывшихъ до Петра В. Политика Людовика XIV въ Турціи, Швеціи и Польшѣ стояла въ прямомъ противорѣчіи съ интересами Московскаго государства; но не мало вредили и религіозныя причины. «Москвитяне терпятъ всякаго рода вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, но *папистовъ* и *жидовъ* не любятъ», говоритъ Олеарій. И въ то время какъ протестанты имѣли свои церкви въ Москвѣ (въ Нѣмецкой слободѣ) и Архангельскѣ, ходатайство французскаго посланника (1629 г.) о подобной же привилегіи для французовъ было отклонено (имъ дозволялось имѣть священниковъ, но не храмы), и только въ самомъ концѣ XVII в. католики достигли этого права, благодаря пѣкоторой хитрости, настояніямъ австрійскаго двора и вліянію при московскомъ дворѣ своихъ сильныхъ единовѣрцевъ (какъ Гордонъ и др.). Поэтому въ теченіе всего XVII стол. на русской службѣ было весьма мало французовъ: они встрѣчаются въ числѣ аптекарей въ Москвѣ (Филиппъ Бриотъ), винодѣловъ въ Астрахани (Подевинъ и Петръ Лякуртъ), серебряныхъ дѣлъ мастеровъ (Янъ Мартыновъ), сибирскихъ служилыхъ людей (Савва фран-

пуженинъ, быть можетъ оставшійся послѣ смутной эпохи) и т. п. Самая торговля велась французами при посредствѣ другихъ націй: въ XVII вѣкѣ въ Россіи употреблялись преимущественно французскія и испанскія вина; по ихъ привозили голландцы, англичане, нѣмцы и шведы *) Изъ французскихъ товаровъ, кромѣ того, доставлялись въ большомъ количествѣ лисицы и бумага. Во Францію же шли: игра, семга, песцы, щетина, бобровая шерсть для выдѣлки шляпъ; но такъ какъ русскіе купцы стали обманывать на этой послѣдней, намазывая шерсть жиромъ, мукою, бѣлилами и т. п. и мѣшать съ кошачьею (впрочемъ черныя кошки изъ Россіи цѣнились во Франціи) и заячьей шерстью, то во второй половинѣ XVII в. ввозъ ея во Францію былъ запрещенъ и пѣмецкіе купцы въ Москвѣ немало потерпѣли отъ того **). Точно также

*) Акты XVII стол. о прибытіи къ Архангельску иностранцевъ обыкновенно говорятъ: „англичанъ, голландцевъ, гамбургцевъ и иныхъ иноземцевъ“.

***) Въ Москвѣ было въ большомъ употребленіи „французское сукно“ краснаго цвѣта—*шарлатъ*, т. е. *écarlate*, но оно доставлялось иранѣ въ Новгородъ ганзейцами.

торговля икрой, вывозимую еще въ XVI в. французами, при Алексѣѣ Михайловичѣ вся была отдана иностранцу (изъ Гамбурга) Ферпортену, а потомъ Белькенсамъ (оттуда же). совзносомъ извѣстной пошлины въ казну. Большое количество икры шло тогда въ Англію, Нидерланды, Францію и особенно Италію, гдѣ она считалась лакомствомъ подъ именемъ *caviaro*.

При всемъ томъ означенныя отношенія не остались безъ вліянія на русскихъ, побывавшихъ за границу. Между дѣломъ русскихъ пословъ (Потемкина съ сыномъ и Румянцева), ѣздившихъ во Францію въ 1668 г., развлекали разными удовольствіями столицы. Они видѣли все замѣчательное въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Въ Венсенѣ имъ показывали дворецъ и паркъ; въ Парижѣ королевскую площадь, дворецъ Тюльери и садъ; ихъ возили на Гобеленовскую мануфактуру, гдѣ знаменитый живописецъ Le Brun показывалъ имъ всѣ работы, а также въ Версаль, только что отстроенный и отдѣланный Людовикомъ XIV; въ Сень-Клу показывали дворецъ герцога орлеанскаго и садъ, гдѣ Потемкинъ особенно восхищался фонтанами. Во время прощальнаго обѣда

въ саду пословъ тѣшилъ арапъ: на лошади скакалъ стоя, во всю пору, безъ сѣдла. Для русскаго посольства были даны особыя представленія на обоихъ парижскихъ театрахъ. Такъ, 5 сентября, въ Hôtel de Bourbon, въ присутствіи пословъ давали «Les soupers de l'Amour et de la Fortune» траги-комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненія François de Metel sieur de Boisrobert, драмы котораго славилась въ то время. Перемѣна декорацій и балетъ много занимали русскихъ. Въ Пале-Роялѣ давала тогда представленія знаменитая труппа Мольера. Незадолго до того Мольеръ поставилъ на сцену своего «Амфитріона», который производилъ сильное впечатлѣніе на французское общество. И вотъ 6 сентября русское посольство было на этомъ представленіи. Въ знакъ особеннаго уваженія, Потемкину, его сыну и дьяку устроены были мѣста на самой передней сценѣ. По окончаніи представленія актеры поднесли имъ двѣ вазы съ конфетами и плодами, а также вино. Отказавшись отъ конфетъ и плодовъ, они выпили немного вина и поблагодарили актеровъ за удовольствіе, доставленное имъ игрою.

Но для насъ особенный интересъ представляютъ тѣ впечатлѣнія, какія вынесъ Потемканъ, какъ туристъ, изъ своего посольства. Въ его официальномъ отчетѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующій отзывъ: «Люди во французскомъ государствѣ *человѣчны* и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и рыцарскимъ, тщательны. Изъ иныхъ государствъ во французскую землю въ городъ Парижъ и въ иные города пріѣзжаютъ *для науки* философской и для ученья ратнаго строя королевичи и великородные и разныхъ чиновъ люди, потому что городъ Парижъ великій, и многолюдный, и богатый, *и школы въ немъ безмѣрно много; студентовъ въ Парижъ* бываетъ тысячъ до тридцати и больше; тѣ мѣста, которыми мы шли, безмѣрно жилия; города великіе, многолюдные и крѣпкіе, селъ и великихъ деревень много и *людно* безмѣрнымъ обычаемъ».

Посланникъ остался доволенъ приемомъ короля и прощальною аудіенціею, на которой король слушалъ рѣчь посланника, стоя и безъ шляпы, что составляло значительную уступку, какъ видно изъ споровъ, бывшихъ съ польскими послами; даже царскій

титულъ былъ прописанъ въ королевской грамотѣ; только одно обстоятельство смутило было Потемкина: титулъ не былъ полонъ, и посланникъ не успокоился до тѣхъ поръ (онъ не хотѣлъ даже обѣдать въ покояхъ графа Люда), пока маршалъ де-Бельфонъ не устранилъ это препятствіе, за что Потемкинъ подарилъ ему тутъ-же свою соболью шапку.

Въ 1679 г. посольство, состоявшее изъ бояр. Бутурлина, окольного Чаадаева и дьяка Голосова обратило на себя вниманіе Кольбера. Въ Версалѣ имъ былъ данъ ужинъ, во время котораго инкогнито пришли жена марш. d'Estrées и m-me de Thiange. По окончаніи ужина послы подошли къ этимъ дамамъ и, выпивъ за ихъ здоровье вина, приказали играть въ честь ихъ музыкѣ. Французскій писатель восхищается тонкою учтивостью москвитянъ. Benoit снялъ съ обоевъ пословъ и съ сына Бутурлина весьма хорошіе портреты. Посѣтивъ обсерваторію знаменитаго Кассини, Бутурлинъ разсматривалъ все съ особеннымъ вниманіемъ и, увидя земной глобусъ, сдѣлалъ своему сыну нѣсколько географическихъ вопросовъ. Оставаясь долго у Кас-

силни и увидѣвъ, что Венера начала всходить на горизонтѣ, Бутурлинъ просилъ астронома показать ему эту планету въ телескопъ, а потомъ показалъ ее и своему сыну.

II.

Таковы были отношенія обѣихъ державъ до Петра В. Подъ конецъ, какъ мы видѣли, ясно выступаютъ въ нихъ и образовательные интересы, свидѣтельствующіе о близости реформы. Въ 1687 г., передъ отправленіемъ во Францію кн. Як. Ѳ. Долгорукова, Петръ поручаетъ ему приобрести тамъ астролябію и другіе инструменты, а нѣсколько позже (1705 г.), посланный въ Парижъ съ дипломатическимъ порученіемъ, А. А. Матвѣевъ снова сообщаетъ свѣдѣнія о существующихъ въ Парижѣ академіяхъ, объ обученіи юношества, о положеніи женщины, о свѣтскомъ обращеніи, «особливо же къ иностраннымъ, которымъ женскій полъ превосходитъ всѣ европейскіе народы. Если же кто не играетъ въ карты, замѣчаетъ Матвѣевъ, то свободенъ въ то время съ кѣмъ ни есть разговаривать *безъ всякаго подозрѣнія*».

Петръ В. на первыхъ же порахъ оцѣнилъ всю важность непосредственныхъ сношевій съ Франціей. При содѣйствіи своего союзника, польскаго короля Августа II, онъ старался сблизиться съ послѣдней. Недовольный нѣкоторыми изъ своихъ союзниковъ и торговою политикою Англіи и Голландіи, онъ предлагалъ Людовику XIV заключить торговый договоръ, чтобы французы могли воспользоваться значительными выгодами русской торговли, но съ тѣмъ, чтобы французскій король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ-нибудь портомъ при Балтійскомъ морѣ. Петръ В. желалъ даже теперь установить торговлю съ Франціей черезъ Средиземное море, Константинопольскій проливъ и Азовское море, представляя ее болѣе значительной и выгодной, чѣмъ въ Архангельскѣ, который такъ пугалъ французскихъ купцовъ. Французское правительство съ своей стороны интересовалось торговлею съ Индіей и настоящими силами Московскаго государства. Въ 1703 г. въ Парижѣ жилъ русскій агентъ, дворянинъ Постниковъ *), впрочемъ, безъ посланническаго

*) П. В. Постниковъ — первый русскій докторъ медицины и философіи (Падуанскаго унив.,

характера. Въ нему пересылались изъ Россіи извѣстія о побѣдахъ русскихъ войскъ; эти извѣстія онъ переводилъ на французскій языкъ и передавалъ министру иностранныхъ дѣлъ, котсрый представлялъ ихъ королю. Тѣмъ не менѣе, политика Людовика XIV (въ Турціи и Швеціи) не давала точки опоры для заключенія взаимнаго договора, а захватъ французскими каперами двухъ русскихъ кораблей, шедшихъ изъ Архангельска въ Англію и Голландію, надолго посѣялъ неудовольствіе между обѣими державами. Такимъ образомъ, спеціальныя миссіи де-Балюза и Матвѣева, назначенныхъ для переговоровъ, не имѣли успѣха. Обѣ стороны ограничились взаимными любезностями и обѣщаніями. По донесенію русскаго агента (Волкова), «весь народъ французскій былъ враждебенъ Россіи, не хотѣлъ слышать о добрыхъ вѣстяхъ о насъ, которыя не допускались и въ печать». Только пріобрѣтенія, сдѣланныя Петромъ В. на

посланный туда Петромъ В., 1692—96). Любопытенъ списокъ книгъ, купленныхъ имъ въ 1710 г. во Франціи и Голландіи, показывающій, какъ много пріобрѣтено было тогда книгъ на франц. языкъ по юриспруденціи, военнымъ наукамъ и др.

Балтійскомъ морѣ, а въ особенности побѣда надъ шведами подъ Полтавою поколебали прежнее отношеніе Людовика XIV къ Россіи. Во Франціи снова стали мечтать объ учрежденіи сильной торговой компаніи, которая имѣла-бы постоянную контору въ Петербургѣ, съ поддержкою отъ правительства, и которая могла бы со-временемъ забрать всю русскую торговлю въ свои руки. Петръ В. близко интересовался возможностью установить прочныя торговыя связи съ Франціей, и потому въ это время мы встрѣчаемъ уже рядъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, находившихся въ Парижѣ (Крокъ, Волковъ, Лефортъ—племянникъ покойнаго адмирала, Кононъ Зотовъ), при чемъ обѣ стороны старались изучить взаимныя условія и выгоды торговли, а съ 1714 г. появляется и постоянный французскій комиссаръ въ Петербургѣ де-Лави, которому дана была подробная инструкція объ изученіи состоянія Россіи въ разнообразныхъ ея отношеніяхъ. Но въ то время, какъ Лави возлагалъ весьма радужныя надежды на успѣхи Франціи, которая могла-бы значительно ослабить торговлю Англии, Голландіи и Гамбурга, голландцы и англичане всячески старались убѣ-

дять царя продолжать торговлю въ Архангельскѣ, чтобы такимъ образомъ навсегда лишить Францію тѣхъ выгодъ, которыя она могла получить, ведя торговлю въ Петербургъ. Конечно, подобные происки встрѣтили противодѣйствіе прежде всего со стороны Петра; онъ имѣлъ уже твердое намѣреніе основать въ этомъ городѣ главную свою торговлю, предоставивъ свободу участвовать въ ней всѣмъ государствамъ, которыя пожелали бы вести ее въ этомъ мѣстѣ. Вообще, съ возрастаніемъ морскихъ силъ въ Россіи, на которыя обратилъ тогда главное вниманіе Петръ В., все болѣе стали обнаруживаться недружелюбныя отношенія Голландскихъ Штатовъ и Англіи къ интересамъ Россіи. Съ другой стороны, заботы царя о соединеніи Балтійскаго моря съ Каспійскимъ посредствомъ каналовъ поддерживали во Франціи надежды на выгодный обмѣнъ ея произведеній съ Востокомъ. Было отправлено даже нѣсколько кораблей въ балтійскіе порты и Петербургъ съ товарами и для нагрузки тамъ, но они были задержаны шведами и увезены въ Стокгольмъ. Насколько Петръ В. интересовался этими сношеніями, видно изъ того, что уже въ это

время онъ желалъ посѣтить Францію, но Людовикъ XIV^о, подъ приличнымъ предложеньемъ, отклонилъ его намѣреніе. Вполнѣ понятно, что, побывавъ въ Англіи, Голландіи, Германіи и Даніи *), Петръ не могъ не питать особеннаго интереса къ своему предпріятію.

Со смертью Людовика XIV^о (1 сентября 1715 г.) и вступленіемъ въ управленіе регента, герцога Филиппа Орлеанскаго, сношенія Франціи съ Россіей значительно ожились. На первыхъ же порахъ герцогъ Орлеанскій послѣшилъ дать позволеніе многимъ мастеровымъ разныхъ цеховъ отправиться заниматься своимъ ремесломъ въ Россію, а 20 русскимъ дворянамъ поступить въ число французскихъ гардемаринновъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они занимались въ Тулонѣ и Брестѣ теоріей и практикой морского дѣла (четверо изъ нихъ тамъ и умерли). Но Петръ В. надѣялся укрѣпить политическія и торговыя связи во время своего посѣщенія Франціи.

Мы не будемъ подробно останавливаться

*) Сохранились весьма любопытныя свѣдѣнія о наблюденіяхъ Петра В. на астрономической обсерваторіи въ Копенгагенѣ въ 1716 г.

на этомъ эпизодѣ, о которомъ въ русской и иностранной литературѣ имѣется достаточно данныхъ. Отмѣтимъ только главнѣйшія черты изъ путешествія Петра. Царь отправился во Францію въ апрѣль 1717 г. черезъ Голландію, въ сопровожденіи кн. Б. И. Куракина, русскаго посланника въ Гагъ, вице-канцл. Шафирова, Ягужинскаго, кн. Вас. Долгорукова и значительной свиты. На пути онъ осматривалъ порты, шлязы, военные склады, укрѣпленія, дѣлалъ смотръ войскамъ (въ Дюнквирхинѣ, Кале и др.) На пути и въ Парижѣ ему готовились подобающіе встрѣчи и приемы, но они не всегда удавались, вслѣдствіе желанія царя избѣжать торжественныхъ встрѣчъ и любопытства праздно толпы. Въ Парижѣ Петръ пробылъ шесть недѣль (съ 26 апр. по 9 іюня стар. стилия) и оставилъ по себѣ вообще благопріятное впечатлѣніе. Всѣ извѣстія говорятъ намъ объ его умѣ, наблюдательности, простотѣ въ обращеніи, вѣжливости. «Государь этотъ, мнимый варваръ, вовсе не походитъ на такового; онъ проявилъ такія чувства величія, великодушія и привѣтливости, какихъ мы вовсе не ожидали», говоритъ марш. Вильруа. Петръ от-

казался отъ помѣщенія въ Луврѣ, а предпочелъ остановиться въ домѣ маршала, въ отелѣ Ледигьеръ, близъ арсенала. Желаніе видѣть все безъ всякаго стѣсненія, отвращеніе быть предметомъ наблюденій и привычка къ полной независимости въ своихъ дѣйствіяхъ были причиною того, что онъ предпочиталъ брать наемныя кареты, даже фіакры или первую попавшуюся карету, чья бы она ни была, и хотя бы онъ даже не зналъ ея владѣльца. Въ такихъ случаяхъ марш. Тессе и свита царя, отъ которыхъ онъ такимъ образомъ исчезалъ, должны были слѣдить за нимъ, иногда вовсе теряя его изъ виду. Съ удивительною обстоятельностью онъ записывалъ въ свою записную книжку все, заслуживающее вниманія; не рѣдко заходилъ въ магазины, чтобы справиться о цѣнахъ, какъ сырыхъ продуктовъ, такъ и мануфактурныхъ издѣлій... У одного скорняка онъ самъ торговался изъ-за муфты съ копѣйки на копѣйку; сторговалъ за 11 ливровъ, заплатилъ и далъ еще монету въ 30 ливровъ. Отсюда выводятъ, что ему хотѣлось сначала узнать цѣну муфты, чтобы судить объ этой торговлѣ, а потомъ онъ разсчитался по - королевски, замѣчаетъ со-

временная газета. Въ современныхъ извѣстіяхъ подробно сообщается о посѣщеніи Петромъ В. арсеналовъ, фабрикъ (гобеленовой, при чемъ Петру были поднесены 4 ковра, вытканые съ картинъ Жувене, зеркальной, чулочныхъ и т. п.), заводовъ (стекляныхъ), многихъ мастерскихъ; королевскихъ и аптекарскихъ садовъ, Jardin des plantes, дворцовъ, коллекцій машинъ, собранія драгоцѣнностей; замѣчательныхъ зданій, памятниковъ и построекъ (мосты, водоподъемныя машины); картинныхъ галлерей (королевской, герц. Орлеанскаго—въ Пале-Рояль, герц. Беррійской—въ Люкс. дворцѣ), галлерей моделей лучшихъ городовъ и крѣпостей (въ Луврѣ), оперы, королевской библіотеки (гдѣ ему поднесли нѣсколько изданій съ гравиров. изображ. версальскихъ садовъ и зданій и похоловъ Людовика XIV съ картинъ знаменитаго живописца Van-der Meulen'a); Инвалиднаго дома, анатомическаго института (здѣсь Петръ разсматривалъ препараты, сдѣл. изъ воска), обсерваторіи (дважды, при чемъ Маральди показывалъ ему всѣ инструменты, служащія для астрономическихъ наблюдений); монетнаго двора (при чемъ Петру поднесена

была медаль съ его изображеніемъ); кабинетовъ медалей, рѣдкостей и изобрѣтеній (мастерской матем. инструментовъ Бутерфильда, гдѣ онъ смотрѣлъ опыты съ магнитомъ и заказалъ нѣсколько инструментовъ); дома Пажо д'Озембрея, директора почтъ, богатаго рѣдкостями и любопытными предметами всякаго рода по естественной исторіи и по механической части, гдѣ ученый кармелитъ от. Себастьянъ дѣлалъ различные опыты; кабинета изобрѣтателя движущагося глобуса, по системѣ Коперника, Пижона (пріобрѣт. за 2000 экю); Сенъ-Сирской школы (при посѣщеніи классовъ царь просилъ объяснять ему всѣ упражненія пансіонерокъ); коллегіи Мазарини (гдѣ бесѣдовалъ долго съ извѣстнымъ матем. Вариньономъ), королевской типографіи, Академіи живописи и скульптуры (здѣсь извѣстный живоп. Соерелъ объяснялъ всѣ замѣч. предметы живописи *); Сорбонны и ея бібліотеки (при чемъ ему были сдѣланы извѣстныя предложенія о соединеніи церквей сорбон. богословами), парламента (о

*) Петръ также заинтересовался живописью на эмали англичанина Боата и заказалъ ему нѣсколько своихъ портретовъ.

чемъ занесено и въ парл. актѣ), засѣданія Акад. наукъ подѣ предсѣд. аб. Биньона, при чемъ Петръ просилъ академикомъ сидѣть въ его присутствіи (здѣсь онъ слушалъ объясненія Делафэ, Лемери, Реомюра, Далема, а также показывали ему кристаллизованную сѣрнокислую цинковую соль, карту Леамюса и др.), Академіи словесныхъ наукъ. Далѣе сообщается о бесѣдахъ съ учеными (съ географомъ В. Делилемъ Петръ разсматривалъ двѣ рукоп. карты, сдѣланныя въ Россіи); о присутствіи на ученыхъ опытахъ (химика Жоффруа) и при операци (снятія катаракта англич. Вульгаузомъ); о посѣщеніи замѣчательныхъ мѣстъ и окрестностей Парижа (Версаль, Трианонъ, Марли, Блюни, Медонъ, Сень-Клу, Фонтенебло *), Сень-Дени, Сень-Жерменъ и др., при чемъ для него были срисованы виды самыхъ красивыхъ мѣстъ). Смотрѣлъ процессію изъ собора Notre Dame, въ которой участвовалъ кардин. де-Ноаль. Герц. д'Антенъ подарилъ Петру описаніе Парижа на *русскомъ* языкѣ. При посѣщеніи разныхъ мѣстъ,

*) Охота, нарочно устроенная для него здѣсь, вовсе не понравилась Петру, какъ и вообще онъ не любилъ этого удовольствія.

Петръ любилъ предлагать множество вопросовъ. Въ Парижѣ, по просьбѣ регента, съ Петра В. были сняты два портрета—художниками Риго и Нотуаромъ. Во время пребыванія Петра появились даже новыя моды: носили платье, называвшееся *habit du czar* или *habit du farouche*. Въ честь его печатались стихи, продавались портреты и пр.

Веденіе переговоровъ со стороны Франціи было возложено на маршала Тессе, подъ условіемъ строгой тайны, чтобы нѣмецкіе и другіе иностранные шпіоны не заподозрѣвали какихъ-либо намѣреній со стороны Франціи, кромѣ представителя Пруссіи, который принималъ участіе. Каждая сторона, конечно, старалась соблюсти свои интересы, но все-таки онѣ пришли къ извѣстному договору, подписанному въ Амстердамѣ ($\frac{4}{15}$ авг. 1717), которымъ устанавливалось сохраненіе договоровъ утрехтскаго и баденскаго (окончившихъ войну за испанское наслѣдство), а также того, который прекратитъ сѣверную войну; посредничество Франціи въ этой войнѣ; обязательство Франціи не заключать новыхъ союзовъ съ Швеціей. Но обѣщаніе о назначеніи комиссаровъ для

выработки проекта торгового и морского трактата на началахъ наиболѣе покровительственныхъ націй, по причинѣ политическихъ затрудненій, не могло тогда состояться, хотя предложенія объ обширной торговой компаніи для сношеній съ Россіей продолжали итти съ обѣихъ сторонъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ возникшаго сближенія было установленіе постоянныхъ дипломатическихъ сношеній между обѣими державами. Первымъ полномочнымъ министромъ въ Петербургъ назначенъ былъ Кампредонъ (съ 1721 г.), состоявшій до того времени посломъ въ Стокгольмѣ, а въ Парижѣ—сначала кн. В. Л. Долгорукій (съ 1720), а затѣмъ кн. Б. И. Куракинъ (съ 1723). Между прочимъ, однимъ изъ важныхъ дѣлъ, возложенныхъ на нихъ, было веденіе переговоровъ о выдачѣ младшей дочери Петра В.—Елисаветы за франц. короля Людовика XV. Потомъ возникъ было планъ о бракѣ съ Елисаветою старшаго сына регента, герц. сартскаго, съ возведеніемъ его на польскій престолъ. Посредствомъ этого брака Петръ думалъ закрѣпить союзъ съ Франціей, а потому Елисавета должна была съ

особеннымъ прилежаніемъ изучать французскій языкъ. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что осуществленіе родственнаго союза представители Франціи въ Россіи (Лави и Кампредонъ) находили легко исполнимымъ, весьма выгоднымъ и даже почетнымъ для Франціи. Франція принимала уже участіе въ примиреніи Россіи съ Швеціей (1721) и Турціей (1723), которую она удерживала даже отъ разрыва съ Россіей во время войны этой послѣдней съ Персіей. Но были и существенныя препятствія къ болѣе тѣсному сближенію обѣихъ державъ, какъ, напр., отказъ въ признаніи за Россіей императорскаго титула, которое состоялось лишь въ 1745 г. Во Франціи главную причину неудачи болѣе прочнаго союза видѣли въ Англіи, подъ вліяніемъ которой находилось правительство, и сожалѣли, что былъ упущенъ удобный случай поддержать власть и вліяніе Франціи на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. «Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскисиваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій», говоритъ герцогъ Сень-Симонъ.

На эту неискренность политики и подчинение влиянию Англии, известныя тогда и въ Россіи на основаніи донесеній кн. Долгорукаго, неоднократно жаловался де-Кампредонъ кард. Дюбуа. Кампредонъ сообщалъ своему правительству подробныя свѣдѣнія и записки о состояніи Россіи и настаивалъ на необходимости постоянныхъ торговыхъ связей, рекомендуя покупку строевого лѣса, дегтя, даже пороха и кораблей, которые, по его мнѣнію, были лучше французскихъ; посылалъ образцы многихъ товаровъ черезъ капит. Дешарье, пріѣзжавшаго въ 1723 г. въ Петербургъ на своемъ кораблѣ для закупки матеріаловъ, необходимыхъ для морского дѣла, которому былъ оказанъ весьма любезный приемъ самимъ Петромъ *).

III.

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію Петръ получилъ известіе объ избраніи его въ члены Парижской академіи наукъ. Въ свою очередь онъ обѣщалъ академіи содѣйствовать успѣху наукъ тщательными изысканіями всѣхъ возможныхъ рѣдкостей и открытій въ своихъ владѣніяхъ и сообщать

*) Петръ В. покровительствовалъ привозу французскихъ винъ. Самъ Петръ не любилъ шампанскаго, а предпочиталъ красное—*июи*.

о нихъ въ академію. Онъ обмѣнивался съ академіей письмами, учеными изданіями и сообщеніями (карты Каспійскаго м., извѣстій объ ученыхъ экспедиціяхъ, о результатахъ путешествія по Сибири доктора Мессершмидта и т. п., передача которыхъ возложена была на бібліотекаря Шумахера). По смерти Петра въ честь его въ академіи была произнесена рѣчь извѣстнымъ Фонте-нелемъ. Прямымъ слѣдствіемъ пребыванія Петра въ Парижѣ нѣкоторые считаютъ введеніе ассамблей въ Россіи (1718) и разрѣшеніе возникшаго еще ранѣе вопроса объ учрежденіи академіи наукъ въ Петербургѣ.

Напрасно нѣкоторые думаютъ вести утвержденіе нѣмецкаго вліянія въ Россіи съ Петра В. Послѣдній пользовался услугами иноземцевъ безразлично, будутъ-ли то англичане, голландцы, нѣмцы, французы. Усиленіе нѣмецкаго элемента относится уже къ послѣдующему періоду, а особенно ко времени императрицы Анны, когда при дворѣ въ большомъ числѣ являються лифляндцы и курляндцы. Только теперь можно говорить о нѣмецкой партіи въ правительствѣ. Напротивъ, со времени пребыванія Петра В. во Франціи число французовъ въ Россіи зна-

чительно возрастаетъ, благодаря болѣе дружественнымъ отношеніямъ между обоими государствами. Въ то время, какъ Англія отзываетъ своихъ офицеровъ, матросовъ, судостроителей изъ Россіи и даже предлагаетъ имъ нѣкоторыя льготы, чтобы заставить ихъ возвратиться на родину, а парламентъ издаетъ постановленіе, воспреещающее, подъ страхомъ строгихъ наказаній, мастерамъ какихъ-бы то ни было профессій обучать кого-бы то ни было изъ подданныхъ царя, почему однажды возвратились изъ Англіи до 70 чел., посланныхъ туда царемъ на свой счетъ для обученія, французское правительство даетъ согласіе на вступленіе своихъ подданныхъ въ русскую службу. По словамъ де Лави, Петръ давно понялъ, что король Георгъ I и голландцы смотрѣли на возстановленіе его могущества на Балтійскомъ морѣ, какъ на нѣчто весьма опасное для ихъ взаимныхъ интересовъ, и въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ не могъ воздержаться отъ выраженія своего неудовольствія до того, что разъ объявилъ министрамъ двухъ помянутыхъ державъ, Витворту и Де-Би, что онъ скорѣе подвергнется риску потерять корону, чѣмъ оставить свое дѣло недоконченнымъ

или не довести его до совершенства, а флотъ онъ справедливо считаетъ душею своего государства, замѣчаетъ Лави.

Такимъ образомъ англичане постепенно замѣняются французами, которымъ ввѣряются управленіе фабриками и др. работы. Уже въ половинѣ 1717 г. прибыли въ Петербургъ 17 французскихъ ремесленниковъ и художниковъ, и между ними находился одинъ пожилой человѣкъ, профессоръ философіи, вызванный для преподаванія философіи русскому дворянству. Во время своего пребыванія въ Парижѣ Петръ распорядился объ отправкѣ въ Россію болѣе 100 семействъ художниковъ всякаго рода и писалъ къ Меншикову, чтобы къ ихъ прибытію приготовлены были дома и все необходимое. Въ лейденскихъ газетахъ сообщалось о прибытіи во Франкфуртъ большого числа семействъ французскихъ ремесленниковъ, въ сопровожденіи трехъ комиссаровъ, которые везли ихъ въ Россію для открытія различныхъ мануфактуръ, съ приличнымъ содержаніемъ. Въ донесеніяхъ французскихъ резидентовъ находимъ извѣстія о приѣздѣ то 65 ремесленниковъ, то множества французовъ, прибывшихъ безъ дозволенія и паспортовъ, то офицеровъ, то объ ожида-

ни цѣлой колоніи французовъ изъ 200 семействъ. Приглашались парижскіе ремесленники съ шелковыхъ фабрикъ.

Въ тѣхъ-же донесеніяхъ встрѣчаемъ рядъ указаній на болѣе видныхъ лицъ, выѣхавшихъ изъ Франціи въ разное время. Это были: капит. Франкъ, кораблестроитель Пангало, архитекторъ Ж.-Бат. Александръ Леблондъ, работавшій въ Кронштадтѣ, Кроншлотѣ и Петербургѣ, инженеръ Кулонъ, знавшій русскій языкъ, которому порученъ былъ осмотръ рѣкъ и мѣстъ для предполагавашагося соединенія Балтійскаго и Ледовитаго мм., директоръ чулочной фабрики въ Москвѣ — Монбрионъ и оружейнаго завода — Луботье, Гравело, знатокъ всякаго рода драгоценныхъ камней, инжен. де-Коллонгъ, С. Илеръ, бывшій нач. морской академіи, генер. Дюпре и капитанъ Шапюзо, командовавшій легкимъ фрегатомъ, инжен. майоръ Лепино, франц. эмигрантъ Деленуа, назначавшійся въ директоры зеркальной и хрустальной фабрикъ, капит. Блори, команд. кораблемъ, плававшимъ въ иностранные порты, полков. Бриньи (инженеръ), посланный въ Псковъ, Смоленскъ и Вел. Луки для снятія плана этихъ мѣстъ, инженеръ Конве-

нанъ (сынъ совѣтника въ Оранжѣ), посланный съ порученіемъ построить нѣсколько укрѣпленій на южной границѣ, директоръ импер. мануфактуры Менаръ, Касси, засѣдавшій въ мануфак. коллегіи, полк. Дориньи, инженеръ Вюардъ, строившій новыя укрѣпленія въ Ригѣ, и ген.-маіоръ Казеневъ, назначенный царемъ съ порученіемъ въ Польшу, живописецъ Каравакъ, французскій капитанъ Касаръ, принятый на службу съ званіемъ контръ-адмирала, Багаре-де-Бресси, посланный въ Германію и Францію по дѣламъ торговли и для приглашенія въ Россію опытныхъ рудокопцовъ, де-Лионъ, изобрѣвшій новый способъ выдѣлыванія пороха, инженеръ д'Алансонъ, бывшій вмѣстѣ съ Бриньи въ персид. походѣ, Маньянъ, служившій при презид. коммерцъ-коллегіи Толстомъ *) и многіе др. Петръ В. пригласилъ въ члены академіи астроном. І. Н. Делиля, который пріѣхалъ въ 1726 г. съ братомъ (Людов.). Оба они участвовали потомъ въ ученыхъ экспедиціяхъ. Въ числѣ выѣхавшихъ въ

*) Онъ перешелъ на службу къ Кампредону и затѣмъ, съ 1726—1733 г., состоялъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Донесенія его напечатаны. Маньянъ зналъ русскій языкъ.

Россію оказалось, однако, много неблагонадежныхъ людей и потому въ послѣдствіи многимъ изъ нихъ было отказано въ работѣ.

Уже въ 1720 г. католическая община въ Москвѣ состояла изъ 300 душъ, преимущественно холостыхъ людей. Въмѣсто священниковъ-іезуитовъ (изъ Польши) въ Россію вызываются теперь французскіе кордельеры и капуцины, которые встрѣтили радушный пріемъ даже между русскими, благодаря своимъ бородамъ.

По прежнему посылались молодые люди во Францію, для изученія военныхъ наукъ, кораблестроенія и др., а въ 1723 г. прибыли въ Петербургъ ученики, обучавшіеся философіи въ Парижѣ: Ив. Горлецкій, Т. Посниковъ, Ив. Каргопольскій и др. При Петрѣ В. дѣлаются переводы изъ «книги правъ французскихъ», сост. докторомъ правъ Клавдіемъ Ферріеромъ, въ виду готовившагося тогда къ изданію своднаго уложенія, и др. сочиненій. И послѣ Петра посылка молодыхъ людей въ Парижъ продолжается, напр., въ 1741 г. для изученія медицины.

По смерти Петра В. дипломатическія сношенія съ Франціей, за исключеніемъ незначительныхъ промежутковъ, дѣлаются по-

стоянными; но установить близкія связи все-таки не удастся. Причина такого положенія вещей лежитъ, главнымъ образомъ, въ политикѣ Франціи относительно державъ, въ которыхъ наиболѣе была заинтересована Россія, каковы Швеція, Польша, Турція. Въ 1735 г. русскій корпусъ подъ начальствомъ Ласси выступилъ къ Рейну на соединеніе съ арміею принца Савойскаго, во время войны Франціи съ Австріей въ силу трактата 1726 г. съ послѣдней о взаимной помощи. Впрочемъ, въ концѣ царствованія Анны Россія приняла даже посредничество Франціи при заключеніи съ Турціей бѣлградскаго мира, которое возложено было на французскаго посланника въ Константинополѣ—Вильнева. Въ это время русскимъ посланникомъ въ Парижѣ состоялъ извѣстный писатель Ант. Дм. Кантемиръ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ французскими учеными и писателями Монтескье, Мопертюи и Фонтенелемъ, сочиненія которыхъ онъ переводилъ на русскій языкъ.

Въ началѣ царств. Елисаветы, возведенію которой на престолъ много содѣйствовалъ французскій посланникъ маркизь де-ла Шетарди, французское вліяніе, повиди-

тому, должно было утвердиться, но самонадѣянность Шетарди, мечтавшаго уже о низверженіи канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, привела къ высылкѣ его изъ Россіи въ 1744 г. и кратковременной миссіи Далліона. А нѣсколько позже (1747) даже рѣшено было двинуть 30-тысячный корпусъ на Рейнъ для поддержанія морскихъ державъ (Англіи и Голландіи) противъ Франціи, правительство которой было очень обезпокоено этимъ обстоятельствомъ. Послѣ разнаго рода попытокъ къ сближенію и неофициальныхъ переговоровъ дипломатическія сношенія между обѣими державами возстановлены были только въ 1756 г., когда были назначены повѣренными въ дѣлахъ—въ Парижѣ О. Д. Бехтѣевъ, а въ Петербургѣ—Дугласъ, а затѣмъ послами—гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ и маркизь де-Лопиталь, замѣненный скорѣ барономъ Бретелемъ. Былъ снова моментъ (въ 1755), когда Россія готова была принять участіе въ войнѣ противъ Франціи съ Австріей и Англіей. Но сближеніе Англіи съ Пруссіей привело къ другому результату—къ коалиціи Австріи, Франціи и Россіи противъ Фридриха II, имѣвшей цѣлью со-

кратить силы «скоропостижнаго короля прусскаго», какъ называли его въ Россіи, — къ семи-лѣтней войнѣ.

Несмотря, однако, на столь очевидный фактъ сближенія, французская политика не находила достаточныхъ основаній для прочнаго и постояннаго союза съ Россіей. Въ интимныхъ заявленіяхъ самого Людовика XV, министерства (Шуазеля) и лицъ, заправлявшихъ дѣлами Франціи — союзъ этотъ признавалъ лишь временнымъ, Россія разсматривалась, какъ держава придаточная, требованія ея (на завоеванія въ Пруссіи) и положеніе, занятое въ Европѣ, — опасными, и высказывался даже принципъ, чтобы насколько возможно удалять ее отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ. Представителю-же Франціи въ Петербургѣ внушалось, что настоящіе враги Франціи суть англичане, и что она только косвенно находится въ войнѣ съ королемъ прусскимъ.

Донесенія Бехтѣва прекрасно объясняютъ намъ причину этого постояннаго отдаленія Франціи отъ Россіи въ то время, при всѣхъ попыткахъ къ болѣе прочнымъ связямъ. «Не можете повѣрить, сколько мало-свѣдуши здѣсь о насъ, писалъ онъ вице-

канцл. гр. М. Л. Воронцову отъ 13 сент. 1756 г. Причина тому, что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые или по меньшей мѣрѣ самые бѣдные, не выключая и тѣхъ, кои министрами были, и кои за собственную досаду или въ оправданіе своихъ худыхъ поступковъ сколь можно худое мнѣніе о насъ подали, такъ что кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ), прочіе французы, особливо знатные, думаютъ, что французу у насъ надобно умереть съ голоду и съ холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которомъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, кое оно генерально имѣетъ о другихъ земляхъ *)).

Между тѣмъ, сближеніе съ Франціей подготавливалось другимъ путемъ, посредствомъ тѣхъ симпатій, которыя продолжала сохранять сама Елисавета Петровна, и какія питали въ Россіи люди, близкіе къ ней, какъ Ив. Ив. Шуваловъ, М. Л. Воронцовъ и др., и посредствомъ француз-

*) Замѣтимъ кстати, что донесенія Бехтѣева представляютъ наглядную картину состоянія Франціи въ это время.

ской литературы, которая завоевываетъ вліяніе въ Европѣ. Съ 1757 г. И. И. Шуваловъ вступаетъ въ переписку съ Вольтеромъ (почетный членъ Петербургской академіи съ 1746 г.), которому поручено было написать исторію Петра Великаго, приглашаетъ французскихъ художниковъ для Академіи Художествъ и преподавателей для Московскаго университета. Въ 1752—54 гг. въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ обсуждается проектъ бригадира Лафона о призываніи изгоняемыхъ за вѣру изъ Франціи ремесленныхъ людей на поселеніе въ Россію, которое приведено было въ исполненіе нѣсколько позже (1763). Въ 1761 г. черезъ русскаго посланника въ Парижѣ снова вызывались въ Россію ремесленники для фабрикъ. Въ 1747 г. при Академіи Наукъ былъ изданъ въ переводѣ на русскій языкъ обширный «Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи» (937 стран.) и разосланъ въ магистраты для пользы купечества. Когда здоровье императрицы стало слабѣть, то Бехтѣеву поручено было пригласить придворнаго французскаго доктора Петра Поасонье, который и прибылъ въ 1758 г., а затѣмъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. 8 мая 1759 г.

онъ произнесъ въ Академіи Наукъ рѣчь по случаю празднованія коронаціи императрицы. Многие изъ русскихъ предпринимають теперь путешествія въ Парижъ: князь Д. М. Голицынъ съ женою, кн. А. И. Щербатовъ, графъ И. Г. Чернышевъ, И. И. Бецкій и др. Въ это время жили въ Парижѣ Баржавины, представляющіе любопытный примѣръ вліянія французскихъ идей на мнѣнія и нравы русскихъ средняго класса. Теперь въ Парижѣ заказываются журналы и книги; для двора и знатныхъ лицъ выписываются персики, шептала, сыры, кареты и др. предметы роскоши *).

Въ свою очередь не мало французовъ жило въ Россіи; но не всѣ они отличались доброка-

*) При Елисаветѣ Петровнѣ въ Петербургѣ удачно велъ торговлю галантерейнымъ товаромъ купецъ Мишель, сынъ француза, поступившаго на службу въ Россію при Петрѣ В., родившійся и получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Каждую весну онъ отправлялся въ Парижъ за товарами, которые имѣли большой сбытъ въ дамскомъ обществѣ. Онъ былъ вхожъ въ дома высшаго петербургскаго общества и даже считается причастнымъ къ политикѣ, содѣйствовавшей тогда сближенію обѣихъ державъ.

чественностью. Рѣзкій отзывъ о нихъ секретаря посольства Мессельера вполнѣ подтверждаетъ приведенное нами выше мнѣніе Бехтѣева. По предложенію Лопиталя, русское правительство рѣшилось даже тогда произвести изслѣдованіе. Мессельеръ говоритъ здѣсь, конечно, о распоряженіи, сдѣланномъ въ 1757 году, чтобы подвергать иностранныхъ учителей испытанію при Академіи Наукъ и Московскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего произошла значительная эмиграція, которая, безъ сомнѣнія, затерялась въ пустыняхъ Татаріи, прибавляетъ онъ. Но нѣсколько позже известный писатель Бернардень де-Сень-Пьеръ, бывшій въ Россіи въ 1762—64 гг., въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о большинствѣ французскихъ учителей, находившихся въ русскихъ домахъ, а затѣмъ, въ 80 хъ годахъ, снова повторяетъ этотъ отзывъ графъ Сегюръ.

Политическія отношенія, какъ и слѣдовало ожидать, отражались на торговыхъ интересахъ обѣихъ державъ. Англичане, голландцы и нѣмецкіе важные города имѣли свои факторіи, конторы и агентства въ Петербургѣ, Архангельскѣ, Ригѣ и др. мѣстахъ. Англичане успѣвали заключать выгодные торго-

вые трактаты; они первые открыли кредитъ русскимъ купцамъ; они посѣщали всѣ русскія гавани, не говоря о Петербургѣ, гдѣ почти половина оборота была въ ихъ рукахъ. И наоборотъ, проходило иногда нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ ни одинъ французскій корабль не заходилъ въ Россію, а вслѣдствіе прекращенія дипломатическихъ отношеній, даже консульство было отозвано (въ 1747 г.), такъ что необходимые припасы для флота французское правительство закупало въ Россіи у англійскихъ домовъ. Съ открытіемъ торговли на Черномъ морѣ французская компанія, пользуясь хорошими отношеніями къ Турціи, хотѣла воспользоваться выгодами исключительной торговли, но и это предпріятіе также не увѣнчалась успѣхомъ.

Царствованіе Екатерины II было временемъ широкаго вліянія французскихъ идей и литературы. Она счужѣла воспользоваться ими въ интересахъ своей политики. Но въ то время, какъ Вольтеръ и его друзья чествовали «святую Екатерину» за ея побѣды въ Турціи и Польшѣ, соединяя ихъ съ возможностью возстановленія греческой республики и утвержденія «терпимости»,

Франція остается вѣрною своей традиционной политикѣ, а Россія представляется ей опасной державой, нарушающею европейское равновѣсіе, разрушающею государства, необходимыя, какъ казалось, для поддержанія послѣдняго, говоритъ Рамбо. Долгое время французская дипломатія спорила изъза императорскаго титула, признаннаго ранѣе, но котораго она не хотѣла давать теперь, и былъ снова періодъ (1767—72), когда Франція имѣла своими представителями въ Россіи только повѣренныхъ въ дѣлахъ, до назначенія полномоченными министрами Дюрана и кн. Барятинскаго. Только небольшими промежутками наступало улучшеніе въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, и только со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI начинается новая, болѣе дружелюбная политика Франціи относительно Россіи (посольства маркиза Жуинье и марк. Верака).

Почти съ каждой перемѣной посольской миссіи въ Петербургѣ, французское министерство ставило ей на видъ свои широкіе планы торговаго союза съ Россіей (Лопиталю, Бретелю, Боссе и т. д.). *) Ека-

*) Въ 1762 г. одинъ французскій торговецъ

терина II съ своей стороны хлопотала о развитіи торговыхъ сношеній Россіи. Такъ, она содѣйствовала учрежденію компани тульскаго купца Владимірова для непосредственнаго торга съ Италіей черезъ Средизимное море, и въ 1764 г. изъ Бронштадта отправился первый русскій корабль въ Ливорно. Въ 1767 г. учреждается русское консульство въ Бордо. Какъ ни казалось тяжкимъ и непріятнымъ, но во Франціи стали признавать политическое значеніе Россіи въ Европѣ и опасаться даже, что она можетъ нанести роковой ударъ восточной торговлѣ Франціи (мемуаръ Брольи 1773), но только съ появленіемъ въ Петербургѣ гр. Сегюра (1785) удалось, наконецъ, заключить торговый трактатъ Россіи съ Франціей. Въ это время всевластный Потемкинъ занять былъ осуществленіемъ своихъ широкихъ плановъ на югѣ Россіи, и въ рукахъ его сосредоточивались многочисленные мемуары, которые представляли французскіе негоціанты относительно установленія торговыхъ сношеній между

попробоваль отправить большое количество мяса во Францію, но весь товаръ испортился еще до окончанія путешествія.

Крымомъ и Марселью. Проникнутый сознаниемъ пользы дружескихъ сношеній Россіи съ Франціей, графъ Сегюръ съумѣлъ войти въ близкія отношенія съ Потемкинымъ и расположить къ себѣ императрицу. Вскорѣ затѣмъ начались переговоры между обоими дворами, а 31 декабря 1786 года заключенъ былъ трактатъ между Россіей и Франціей о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи, при чемъ особенныя выгоды со стороны Россіи предоставлялись за товары, привозимые въ черноморскіе порты, и когда французскіе товары привозились на французскихъ судахъ и французскими купцами. Въ своихъ запискахъ Сегюръ замѣчаетъ, что ему легче было склонить на свою сторону Потемкина, потому что англичане явно противодѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселью. Онъ указывалъ своему правительству на необходимость взаимныхъ льготъ для развитія торговли и на причины прежнихъ неудачныхъ попытокъ: опасность конкуренціи съ болѣе сильными соперниками и непредпріимчивость французскихъ купцовъ. Нѣсколько французскихъ купцовъ безъ денегъ и безъ кредита, го-

ворить онъ, не только не могли скрѣпить торговыхъ сношеній обоихъ государствъ, а, напротивъ, могли лишь ослабить ихъ своими неудачами и неосторожными поступками. Онъ сообщаетъ, какъ англійскіе негоціанты успѣли основать въ Петербургѣ цѣлую грозную колонію. Въ Петербургѣ они занимали цѣлый кварталъ; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ, хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. Вотъ какова была сила, говоритъ Сегюръ, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было всего нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ лишь значительный торговый домъ Рембера, который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого. Купцы нантскіе и бордосскіе, обманутые выгодными предложеніями

и опасаясь переѣздовъ и таможенъ, поручали англичанамъ и голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. «Мы почти исключительно снабжали Россію кофе, сахаромъ и виномъ; но пользуясь нашей безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свои морскія силы, которыя впоследствии обратили противъ насъ», говоритъ Сегюръ. Этою перевозкою заняты были ежегодно до 2000 судовъ, между тѣмъ какъ въ русскіе порты входило не болѣе 20 французскихъ судовъ.

Однако и на этотъ разъ политическія событія вскорѣ нарушили установившіяся отношенія обѣихъ державъ. Въ 1789 г. гр. Сегюръ былъ отозванъ, а сношенія съ Франціей ведутся еще нѣкоторое время черезъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, которыхъ, впрочемъ, не хотѣли даже принимать. Русскій посланникъ (Симолинъ) также былъ отозванъ изъ Парижа. Вслѣдъ затѣмъ нахлынула въ Россію толпа эмигрантовъ съ громкими именами и титулами, причинившая, какъ извѣстно, не мало хлопотъ и вреда Россіи въ концѣ царств. Екатерины II и при Павлѣ I, а 8 февр. 1793 г. послѣдовалъ указъ «о

прекращеніи сообщенія съ Франціею, по случаю происшедшаго въ оной возмущенія и умерщвленія короля Людовика XVI и о высылкѣ французовъ изъ Россіи, исключая тѣхъ, которые подѣ присягою отрекутся отъ революціонныхъ правилъ, во Франціи распространившихся». Революція, ослабивъ королевскую власть, сдѣлала французскій союзъ менѣе интереснымъ для Екатерины, заставила ее скоро искать союзниковъ среди нашихъ враговъ, говоритъ Раμπο. Павелъ I принципиально слѣдовалъ той же политикѣ, и только въ концѣ его царствованія ведутся переговоры не только о мирѣ, но даже о союзѣ. Впрочемъ, лишь въ началѣ 1802 года были возстановлены дипломатическія сношенія съ Франціею. Съ этого момента начинается новѣйшій, болѣе извѣстный періодъ сношеній между обѣими державами, а потому мы не считаемъ необходимымъ распространяться о немъ. Съ своей стороны замѣтимъ только, что причины, такъ долго раздѣлявшія обѣ націи, и въ этотъ періодъ неоднократно давали себя чувствовать.

Въ заключеніе упомянемъ, что интересъ, вызванный въ послѣднее время нашими отно-

шеніями, отразился между прочимъ на исторической литературѣ въ многочисленныхъ изданіяхъ, посвященныхъ ихъ исторіи. Императорское Русское историческое общество напечатало 9 томовъ дипломатическихъ донесеній французскихъ посланниковъ за время съ Петра В. до 1740 г., по документамъ французскихъ архивовъ, изъ которыхъ на одно время Петра В. приходится 4 тома (см. брошюру В. С. Иконникова: «Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра В. Сношенія Россіи съ Франціей». К. 1887). Многочисленныя извлеченія изъ тѣхъ же архивовъ за послѣдующее время находятся уже въ портфеляхъ Общества и постепенно будутъ изданы, и между прочимъ обширныя дополненія къ донесеніямъ маркиза Шетарди, напечатаннымъ въ 1862 г. Пекарскимъ. Дипломатическія сношенія, относящіяся къ цар. Александра I, издаются тѣмъ же Обществомъ (пока вышло 3 тома). Дополненіемъ къ изданію Рус. ист. общ. служить сборникъ, вышедшій въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1890 г., подъ редакціей Рамбо (*Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France*, 2 тома), представляющій обстоя-

тельный обзор сношеній съ древняго времени до конца XVIII стол. На основаніи его составлена монографія П. В. Безобразовымъ: «О сношеніяхъ Россіи съ Франціей», М. 1892. Прибавимъ къ этому, что въ дипломатическихъ донесеніяхъ представителей Франціи, бывшихъ въ Россіи, помимо политическихъ отношеній, которымъ они преимущественно посвящены, находится обильный матеріалъ для исторіи современнаго русскаго общества, нравовъ, экономическаго состоянія страны, а также для характеристики важнѣйшихъ дѣятелей, значительно дополняющій отечественные источники.

Весьма важный и обширный періодъ сношеній разсмотрѣнъ въ объемистой монографіи Альб. Вандаля: «Louis XV et Elisabeth de Russie», Р. 1882. Разнообразныя отношенія (дипломатическія, торговыя, литературныя, путешествія, эмиграція и т. п.), существовавшія между обѣими державами въ царств. Екатерины II и Александра I, нашли мѣсто въ трудѣ Л. Пэнго: «Les français en Russie et les russes en France», Р. 1886.

Наконецъ, важнѣйшимъ моментамъ въ отношеніяхъ Россіи и Франціи въ началѣ XIX столѣтія посвящены недавно вышедшія обширныя монографіи С. Татищева: «Alexandre I et Napoléon», Р. 1891 и того-же Вандаля «Napoléon et Alexandre I», въ двухъ томахъ (Р. 1891 et 1893), обнимающія событія до 1812 г. Всѣ эти труды и матеріалы основаны преимущественно на неизданныхъ архивныхъ источникахъ.
